

КУЛЬТУРА

Ирина ПОНАРОВСКАЯ:

МИР ЭСТРАДЫ
И ПРЕКРАСЕН, И УЖАСЕН

Гибкий, сильный голос широкого диапазона. Чистота и благородство, «мажорность» интонаций. На кульминации песни — взрыв, прямо-таки космический выброс энергии. И одновременно (удивительное сочетание качеств!) в каждой ноте — мечтательность. Певица словно любит мелодию, затейливо тклет свой узор...

Ирина Понаровская окончила в 1975-м Ленинградскую консерваторию как пианистка. Шесть лет работала после этого в «Поющих гитарах» (помните ее блистательную Эвридику в рок-опере Александра Журбина?). Завое-

вала Гран-при на Сопотском фестивале песни в 1976-м. Еще год прошел в джаз-оркестре Олега Лундстрема... «Ее стихией», — сказал тогда о певице maestro, — были лирические песни с красивыми мелодиями, впрочем, ей хорошо удавались и «характерные», даже пародийные номера. Еще чуть-чуть — и из нее может выйти артистка калибра Барбры Стрейзанд или Лайзы Минелли.

Но жизнь сложилась иначе. В 70-х годах в России практически не было традиций кабаре. Ирина Понаровская — природенная солистка музыкального театра — стала «всею лишь» обычной эстрадной звездой.

— Ирина, кого из композиторов вы называли бы «своими»? С кем постоянно работали, кто снабжал вас материалом?

— Начиная с песен Алексея Мажукова («Музыка любви», «Однажды» — все это конец 70-х). Потом, в 80-е, появился Аркадий Укупник («Рябиновые бусы», «Игра в четыре руки», «Встречайте вместе новый год», «Гражданка»), затем Олег Кваша («Мы кофе сварим», «Я больше не хочу тайком любить»). Затем в мою жизнь вошел талантливый Сосо Павлишвили — я познакомилась с ним на конкурсе в Юрмале в 1989 году. Четыре года пела преимущественно его песни: «Реквием», «Ты мой бог», «Мертвые, откройте всем живым глаза», «Не оклику по имени», «Ты всегда со мной», «Так проходит жизнь моя», «Не шути»...

— Так сказать, ваши хиты последних лет?

— Ох, не люблю я это слово. Хит в моем представлении — это что-то простенькое, самоуверенное, мелодически прилипчивое. Таких песен у меня не бывает. Даже укупниковская «Гражданка» (между нами, довольно-таки подзаборный шлягер) звучит у меня просто как красивая мелодия. Обо мне ведь не скажешь: ах, вчера она спела прекрасную песню... А сегодня — плохую. Мой репертуар приблизительно одного уровня, — смею надеяться, достаточно высокого. Но шлягеров, которые напевала бы вся страна, у меня в репертуаре нет.

— А «Музыка любви» и другие мелодии в этом роде?

— Они хитами все же не стали. Чего-то им для этого не хватало. Я даже скажу чего: обыденности, приземленности, примитивной «цыганщины»... Видите ли, репертуар для современного певца — это половина дела. Можно ведь работать и со сравнительно нейтральным материалом, «вытягивая» программу за счет артистизма, обаяния. Но это страшно трудно, куда проще «оседлать» популярную песню и и преспокойнейше ехать на этой «лошадке».

Сейчас у меня завершился, если можно так выразиться, период Павлишвили. Зато появились новые партнеры, в том числе человек совсем другого стиля, манеры, даже двукратный энергетический — Богдан Титомир. В этом году мы попопобовали поработать вместе. Помоему, получилось. Хотя люди мы разные. Он жесткий, напористый, спортивный. Моя музыка — мечтательная, романтическая.

— Ирина, а кем вы ощущаете

себя на сцене — звездой или же (помните райнинскую песенку?) интимной собеседницей «добротного зрителя в девятом ряду»?

— Женщиной. Не коварной «вамп», разухабистой секс-бомбой или скромной девочкой, а просто женщиной. Женщиной во всем — в песнях, в облике, в сценическом костюме. Слабой и сильной, радующейся и грустящей, любящей и отрезанной. Я никогда не стану делать то, что присуще мужчине-певцу, — скажем, стоять с гитарой и петь рок-н-ролл. Кому-то это, быть может, и идет. Но это — не мое.

— Можно ли определить ваш сценический имидж как строго элегантный?

— Мой имидж — он бывает разным. Вы же видели меня в концерте? Расклеванные брюки, масса цепей, голый живот, пиджак с металлическими украшениями. Разве все это так уж элегантно?

— Это у вас, как я понимаю, от стиля «эпаш» 20-х годов. Но все равно без пестроты и крикливости. Элегантно и строго. Со вкусом.

— Наверное, тут нет моей заслуги. Это — от природы, такой меня создали мои папа и мама.

— А кто придумывает ваши сценические костюмы?

— Сергей Зверев. Мой друг, помощник. Мое, если хотите, вдохновение. Зачастейный кутюрье! Его идеи порой просто фантастичны, мы с ним, бывало, до хрипоты спорили. Однако сейчас верю ему во всем. Знаю: то, что кажется сначала безумным, в конце концов будет выглядеть великолепно. Ну, может, точнее было бы сказать — шикарно. Шик — это не аналог вульгарности. Вульгарно только чрезмерное, а шик и шарму предела нет. Сергей рождает именно шик. Он, например, может сделать легкую, «ветреную» стрижку Валерии или «загадочную» — Лайме Вайкуле...

— Ваш концерт обычно идеально сбалансирован по форме. Чего тут больше — импровизации или расчета?

— Трудно сказать. Все важно — и интуиция, и двадцатилетний сценический опыт. Все мои концерты — разные по драматургии, по эмоциональному колориту. Иногда выхожу на сцену в грустном настроении, тогда и публику увожу за собой в «минор». А бывает и радость, даже какой-то буйный восторг. Публика тоже ведь разная. Иной раз зал зажигается как спичка — с одной-двух песен. А бывает и тяжелым, сонным, его надо долго «собирать», раскачивать. Бывает ау-

дитория элитарная. Но чаще — простая, эмоционально податливая. Я знаю, за чем пришли на концерт эти люди, что у них болит...

— В сопровождающем вас ансамбле заметную роль играет саксофон...

— Это знак ностальгии. Быть может, по далекой уже сегодняшней работе в оркестре Лундстрема.

— Мне кажется, что его тембр придает звучанию чувственный, даже эротический характер...

— Согласна. Я бы вообще назвала свое шоу так: «Мужчины и женщины». Женщина — естественно, я. А мужчины — аккомпанирующая группа плюс Титомир.

— Парни видные, как говорят сейчас, крутые...

— Во всяком случае выделяющиеся своей мужественностью на фоне заполнивших эстраду... м-м, как бы это сказать помягче... феминизированных певцов...

— Вы несколько раз снимались в музыкальных фильмах. Правда, все это было давно, лет десять-пятнадцать тому назад... Да и фильмы тоже забылись. Интересно, а что вы чувствуете, когда видите такие зарубежные ленты, как, скажем, «Кабаре». «Весь этот джаз», «Нью-Йорк. Нью-Йорк»?

— Не обуревают ли меня зависть, хотите сказать? Вы знаете, когда я впервые увидела картину Боба Фосса «Весь этот джаз», то почти несколько месяцев вообще не могла глядеть на экран. Это было то, о чем я мечтала всю жизнь и чего не буду, видимо, иметь никогда. Мною овладела глухая тоска. В качестве слабого самоутешения могу сказать одно: наверное, в этой своей боли я не одинока — Лариса Голубкина или Людмила Гурченко точно так же остались «невостребованными», до конца нераскрытыми...

— Ирина, а что вы скажете о ситуации в современной отечественной песне?

— Сотни авторов, исполнителей, а выделить можно лишь с десяток. Ну, Волода Пресняков, дивный автор и талантливый артист. Еще несколько опытных людей. В остальном идет откровенный «раскрук» середнячков, причем я просто физически ощущаю за плечами очередной «старлетки» дыхание состоятельных покровителей. Талант малюсенький, а мощь «продвижения» огромна.

Мир эстрады и прекрасен, и ужасен. Тут важны не просто голос или привлекательная внешность. Нужно еще и совесть иметь. А у многих от эйфории, что называется, просто крыша

поехала. Только что была милая, скромная девочка — и вот уже важная, надутая звезда, с непомерным апломбом. А я все же думаю, что настоящей звездой — не на час, а надолго — будет лишь тот артист, который еще и человек хороший.

— Ирина, сегодняшнюю песенную эстраду называют иногда безвредным наркотиком, позволяющим забыться, пережить трудные времена...

— Я бы не сказала, что наркотик этот столь уж безвреден. Растут дети. У них портится вкус. «Тетя Ирина, я хочу петь...»

— «Что ты споешь?» — «Два кусочка колбаски...» Или: «Девочка моя», «Ма-а-альчик мой», «Розовые розы», «Келтые тюльпаны»... Уффф! От одних названий передергивает...

— Олег Газманов как-то заметил: артист — просто зеркало того, чего хочет аудитория. Она просит — мы им даем...

— Что именно даем — вот в чем проблема! Ведь не «Морячок» одной живой слушатели... Нравятся им и Патрисия Каас, и Гребенщиков... И — не улыбайтесь, я говорю серьезно — есть еще на свете Чайковский, Скрябин, Шостакович... А в песне — Вертинский, Бернес, Шульженко...

— Интересно, а как вас воспринимает зарубежная публика?

— Поездила по миру я немало и вроде нигде не ударила в грязь лицом. Но вот что интересно: больше месяца за границей не выдерживаю — без России жить не могу.

По-настоящему отдыхаю только дома. Люблю друзей, но еще лучше, если могу побыть одна. Иногда присаживаюсь к роялю — чтобы не забыть, что я все-таки профессиональная пианистка. А бывает — аккомпанирую сыну, он поет массу песен... Еще, представьте, увлекаюсь автомобилем... Раньше носилась, как угорелая, сейчас езжу поспокойнее. Да и машину жалко...

— Какая марка?

— «Мерседес-300».

— Не боитесь, что угонят?

— Квартиру уже обворовывали, но машину, пожалуй, унести трудно — она стоит в гараже, вся в блокировках и сигнализациях.

— А как насчет кино, театра... Вы, кажется, завзятая театралка?

— Я же из Питера, так что мой театр — это БДТ. Плюс бывший Ленсовет, Мариинка, Александринский, имени Комиссаржевской... В кино и прежде мало бывала, а теперь не хожу совсем.

— Какую музыку слушаете дома?

— Свою — никогда. Порой включаю радио — «Европа плюс», «Радио-Рокс», «М-радио», «Радио-101». Хорошо, профессионально, работают. Единственное, чего мне у них недостает, так это классики. Есть, правда, еще такая студия — «Орфей», у них шикарные классические программы, но их на моем приемнике почему-то не слышно. Зато нетавно в Прибалтике с наслаждением слушаю (по обычной радиоточке!) «Реквием» Верди. Представляете: сосны, песок — и классическая музыка... Что может быть прекраснее?

— Вы счастливы?

— Полностью счастлив лишь дурак. В реальной жизни сплетено разное — удачи, неудачи, депрессии. Иногда что-то не выходит в творчестве, иногда черные дыры в личной жизни. Соответственно и я — то страдаю, то ликую, то плачу, то восторгаюсь. Короче, просто живу...

Беседу вел
Аркадий ПЕТРОВ.